

Целый ряд статей Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит упоминание о лицах, оказывающих содействие (ст. 5, ст. 8, ст. 12 и другие), термин «способствование» применен в ст. 18 и связан как раз с освобождением от уголовной ответственности, при этом сотрудничество обозначается как разновидность содействия на контрактной основе. Так, в п. 2 ст. 15 закона говорится, что органы, осуществляющие ОРД, имеют право устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. Отдельные меры социальной и правовой защиты распространяются на лиц, не просто оказывающих содействие органам, а тех, которые начали официально сотрудничать с оперуполномоченными.

Подтверждает приведенную логику А.Ю. Крипулевич, которая приходит к выводу, что сотрудничество, как менее ёмкое понятие, выступает одной из форм содействия, однако реализуемой исключительно на контрактной основе, то есть сотрудничество должно предполагать заключение письменного соглашения, тогда как содействие может иметь место и на основании устной договоренности¹.

Приведенная логика полностью соотносится с положениями УПК РФ, которые допускают сотрудничество лишь при условии заключения досудебного соглашения (ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ), а содержанием такого сотрудничества является содействие раскрытию и расследованию преступления (ч. 2 ст. 317.1, п. 1 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ и др.). Именно письменная (скрипто-конвенциональная) форма согласования придает сотрудничеству сторон официальный характер. Кроме того, лицу, вступившему в отношения процессуального «сотрудничества» со стороной обвинения, как и в ОРД, гарантируются дополнительные права, например, ст. 317.9 УПК РФ (меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве). Простого содействия расследованию для применения данных положений недостаточно.

Таким образом, письменно закреплённое соглашение выводит содействие расследованию со стороны подозреваемого (обвиняемого) на качественно новый уровень, превращает его в «сотрудничество», которое предполагает больший объем правовых гарантий и более существенное поощрение за позитивное посткриминальное поведение.

Молунова Н.И.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

ФАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Правильное определение основания любого процессуального решения порождает законное, обоснованное и практически целесообразное действие властных субъектов уголовного судопроизводства. Особенно это становится важным при принятии процессуального решения, связанного с ограничением конституционных прав участников уголовного судопроизводства. Среди таких решений особое место занимает применение физического принуждения в пределах

производства следственных действий, которое напрямую связано с ограничением права на неприкосновенность личности. Лицо, подвергшееся применению мер физического воздействия, существенно ограничивается в правах и, как справедливо в этой части заметил А.В. Писарев, право на личную неприкосновенность в рамках уголовного процесса должно быть не нарушено, а законно ограничено². Последнее, на наш взгляд, достижимо только при детально обоснованном

¹ Крипулевич А.Ю. Соотношение понятий «содействие» и «сотрудничество» в теории оперативно-розыскной деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 51-54.

² Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 65.

решении посредством установления фактического основания применения физического принуждения при производстве следственных действий. Однако, обращаясь к уголовно-процессуальному закону, мы констатируем отсутствие процессуальной формы применения физического принуждения, в том числе и процессуальных оснований его использования при производстве следственных действий.

Анализируя следственно-судебную практику на предмет отыскания оснований применения физического принуждения при производстве следственных действий, мы делаем вывод, что она неоднозначна, в настоящее время правоприменители, применяя физическое принуждение, как средство преодоления противодействия при производстве следственного действия чаще всего ссылаются на основания применения физической силы, прописанные в полицейском (административном) законодательстве, что на наш взгляд является не совсем корректным. Однако здесь стоит отметить, что за неимением процессуальной регламентации это вполне оправдано, однако не всегда отвечает целям уголовно-процессуального права.

УПК РФ избегает легальной трактовки определения оснований для производства процессуальных действий, однако непосредственно термин «основание» в разных его вариациях неоднократно упоминается в процессуальном законе (например, ст. 91, ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 97, ч. 1 ст. 182 УПК РФ).

Для определения оснований процессуальных действий закон использует весьма общие (шаблонные) формулировки – «наличие достаточных данных, указывающих...», «наличие достаточных данных полагать...», «при наличии иных данных, дающих основания...», не конкретизируя их содержательную часть.

Вышесказанное подтверждается и научной дискуссией относительно вопроса объема и характера тех сведений, которые будут достаточными для признания их основанием процессуального решения о применении процессуального принуждения. Так, в те-

рии уголовного процесса преобладают два подхода относительно оснований применения процессуального принуждения: широкий и узкий.

Согласно первому подходу, основание применения принуждения трактуется, как совокупность различного рода обстоятельств, в число которых входят не только данные, свидетельствующие о ненадлежащем поведении лица, но и признаки преступления, наличие возбужденного уголовного дела, наличие обвинения (подозрения), тяжесть преступления и другие¹.

Противоположную точку зрения представляют сторонники узкого подхода, под которым подразумевается, что общим основанием применения уголовно-процессуального принуждения необходимо считать обстоятельства, имеющие юридическое значение в виде неправомерного поведения или возможности такого поведения².

В связи отсутствием законодательной регламентации применения мер физического воздействия (на которую можно было бы опираться в разрешении рассматриваемого вопроса), учитывая специфику процедуры применения физического принуждения (исключительность процедуры, необходимость незамедлительного применения), мы будем солидарны с авторами, отражающими более узкий подход к определению оснований процессуального принуждения и представляющих их, как фактические данные (сведения), указывающие на возможность нарушения участником следственного действия порядка уголовного судопроизводства.

Обращая внимание на механизм уголовно-процессуального принуждения, стоит признать, что не любой факт противодействия можно признать основанием применения физического принуждения. Ненадлежащее поведение должно быть не обыденным, а выражаться в нарушении процессуальной обязанности, только в этом случае ненадлежащее поведение может быть положено в основание применения физического принуждения.

¹ Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве : лекция. М., 1963. С. 21-22; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 49-52.

² Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2017. С. 248-249; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 51. 331; Кудин Ф.М. Условия и основания применения мер пресечения в советском уголовном процессе // Ученые труды Свердловского юридического ин-та. Вып. 31. 1974. С. 37.

Поведение участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, определяется наличием возложенных на них законом обязанностей, добровольный отказ от исполнения которых приводит к запрещенной законом форме поведения. Именно момент нарушения процессуальной обязанности запускает механизм уголовно-процессуального принуждения и является основанием его применения.

Относительно применения физического принуждения общей в этом смысле является норма ч. 4. ст. 21 УПК РФ, устанавливающая обязательное исполнение участниками уголовного процесса законных требований, поручений и запросов властных субъектов уголовного судопроизводства.

Помимо этого, рядом норм, регламентирующих производство следственных действий, предусматриваются локальные обязанности отдельных участников следственных действий:

1) при производстве освидетельствования, ч. 2 ст. 179 УПК РФ устанавливает обязательность выполнения постановления следователя о производстве освидетельствования, что позволяет говорить о возможности применения физического принуждения при отказе от освидетельствования.

Отказ от добровольного освидетельствования свидетеля, чьи показания имеют зна-

чение для уголовного дела также влечет за собой возможность принудительного производства освидетельствования;

2) в рамках проведения обыска толкование норм закона позволяет говорить о значительном числе обязанностей, реакцией на невыполнение которых может явиться применение мер физического воздействия.

Так, ч. 6 ст. 182 УПК РФ предусмотрено, что отказ владельца помещения, где производится обыск добровольно открыть преодолевается их принудительным вскрытием.

Частью 8 ст. 182 УПК РФ предусмотрены обязанности не покидать место, где производится обыск, а также не общаться друг с другом до окончания обыска, в случае соответствующего законного требования следователя (дознателя), реакцией на нарушение которых также может стать применение мер физического воздействия.

Таким образом, можно заключить, что применение физического принуждения при производстве следственных действий имеет прямую зависимость от факта уголовно-процессуального нарушения и представляет фактические данные, имеющие юридическое значение и дающие основание полагать, что участником следственного действия нарушена процессуальная обязанность в форме неправомерного поведения, направленного на противодействие процессу доказывания.

Яснoв М.А.

Управления организации дознания ГУ МВД России по г. Москве

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ПУНКТА 2 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 208 УПК РФ
В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), СКРЫВАЮЩЕГОСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ**

Вопросы применения следователями и дознавателями в процессе производства предварительного расследования положений п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а также организации в практической деятельности розыскной работы по приостановленному уголовному делу в соответствии со ст. 209 УПК РФ в современных условиях актуальны тем, что с необходимостью приостановления течения сроков за розыском подозреваемого (обвиняемого) сталкиваются большинство подразделений органов предварительного расследования.

Указанная правоприменительная практика обусловлена рядом как объективных, так и субъективных факторов, которые необходимо учитывать в ходе производства расследования по уголовному делу. С одной стороны, нельзя не учесть существующие потоки внешней миграции в страну и ее колебания, социальное положение и трудовую занятость граждан иностранных государств, прибывающих в Россию, и отсутствие у последних необходимости постоянного проживания в определенном регионе в зависимости от экономической ситуации. С другой